

Её не волнует наводнение, её не волнует, что на неё бросают тяжелые предметы, её не волнуют пробитые кинжалами дыры, единственное, что её волнует, – это огонь.

С тех пор как Нин Гэ начала думать об огне, сцена изменила своё высокомерное поведение и перестала что-либо говорить.

«Я ошибаюсь?» — спросила Нин Гэ.

Сцена немного помолчала, прежде чем ответить:

[Ну и что? В любом случае, всё, что ты вызываешь, сначала должно быть одобрено мной. Даже если ты захочешь получить огонь, чтобы сжечь меня, ты не сможешь вызвать его.]

Окончательное решение о создании чего-либо было полностью в её власти.

Если она не разрешит эту вещь, Нин Гэ может думать хоть десятки раз об этих бесполезных предметах.

Нин Гэ мысленно усмехнулась:

«Разве пламя уже не готово?»

Сцена так хотела убить их в финальной сцене, что не смогла сопротивляться соблазну яркого сценического эффекта и согласилась на крематорий.

Однако она предусмотрительно поместила огонь далеко вниз, где он был недостижим для Нин Гэ.

Нин Гэ повернула голову, чтобы взглянуть на больничную койку. Все одеяла и подушки были свалены в кучу у изголовья желоба. Если она хотела уронить их вниз, то можно было опробовать достать до ближайших вещей.

Нин Гэ не могла отпустить Пэй Ханя, поэтому ей оставалось только извиваться, как червяку, чтобы сдвинуть одеяло рядом с собой.

— Я сделаю это, — сказал Пэй Хань, сообразив, что хотела сделать девушка.

Он осторожно высвободил одну руку и попытался дотянуться до свисающего угла одеяла. Приложив немало усилий, он наконец ухватился за край и осторожно потянул его на себя.

Одеяло не упало. Сначала вниз полетела подушка, что лежала поверх одеяла, — кувыркаясь,

она пронеслась мимо Нин Гэ и Пэй Ханя.

Бедная подушка приземлилась прямо в жерло печи и, как и верёвочная лестница, тут же превратилась в пепел.

Пэй Хань ухватил ещё часть белья. Он потянул край, и на этот раз одеяло полетело вниз.

Как и ожидала Нин Гэ, одеяло было таким большим и мягким, что попросту не поместилось в печь. Больше половины лежало снаружи жерла.

Часть одеяла тут же загорелась. Огонь затанцевал по ткани, быстро воспламенив участок снаружи.

Пламя загорелось снаружи печи.

Огонь на одеяле вовсю бушевал и подбирался к деревянному основанию помоста рядом с печью.

Сцена принимала окончательное решение о создании чего-либо, но не могла создавать что-то по собственной инициативе. Ей оставалось лишь молчать и беспомощно смотреть, как двое игроков разжигают пламя.

Как только что-то было создано, оно выходило из-под контроля сцены.

Внутри помоста разгорелось весёлое пламя, и Нин Гэ услышала пронзительный крик сцены.

Огонь становился все сильнее и начал распространяться.

Все судьи вытянули шеи и с изумлением наблюдали за происходящим.

Некоторые недоумённо спрашивали:

— Это ведь сценический эффект, не так ли? Как-то слишком реалистично.

Сцена наконец не выдержала.

[Погасите огонь.]

Она потеряла всё своё высокомерие.

[Пожалуйста.]

Впервые её тон был таким смиренным.

Потому что независимо от того, что будет использовано для погашения огня, сила созидания прочно находится в руках Нин Гэ и Пэй Ханя.

Нин Гэ равнодушно подумала:

«В чём смысл жизни? Кажется, ты слишком одержима жизнью».

[...]

«Почему бы не сгореть насмерть? Используй свою скучную и ничтожную жизнь, чтобы добиться самых ослепительных и захватывающих сценических эффектов. Будь благодарна, самый славный момент в твоей посредственной жизни вот-вот наступит!»

[...]

Конечно, Нин Гэ не хотела сгореть дотла вместе с ней.

Пэй Хань всё ещё висел, а руки Нин Гэ онемели, он мог упасть с минуты на минуту.

«Верёвка», — приказала Нин Гэ.

Верёвка не появилась – сцена отказалась выдавать предмет.

[Что, если я дам тебе верёвку и позволю ему подняться, и ты проигнорируешь меня? Может, сначала потушим огонь? Если мы потушим огонь, с ним все будет в порядке, даже если он упадет.]

Потушить огонь в интересах обеих сторон.

«Подожди», — Пэй Хань отпустил одну руку и протянул ладонь:

«Водонепроницаемая зажигалка. Этот акт ещё не закончен, нельзя пренебрегать защитой».

Иметь зажигалку, которой в любой момент можно поджечь сцену, было равносильно тому, чтобы завладеть жизнью сцены.

Сцена теперь подвластна людям, огонь в её животе всё ещё потрескивает и горит, и она не может потушить его. Она колебалась всего секунду, – в руке Пэй Хана появилась маленькая зажигалка.

Пэй Хань внимательно её осмотрел и попробовал зажечь огонёк. Убедившись, что всё в порядке, он положил её в карман, и сказал Нин Гэ:

— Сильный ливень.

Дождь не пошел.

Сцена тихо умоляла:

[Может ли быть... не дождь? В предыдущей сцене уже однажды шёл дождь, и если он повторится в этот раз, то эффект от него будет недостаточно хорош.]

Даже рядом с неминуемой смертью, сцена заботилась об эффектности.

— Всё-таки сцена извинений на снегу и льду, — задумчиво сказала Нин Гэ. — Метель.

Поднялся сильный ветер.

Холодный ветер кидал им в лицо преувеличенно большие снежинки. Нин Гэ ещё ни разу не видела такой сумасшедшей бури, сцена почти мгновенно стала белой. Хлопья снега пробирались через щели подмосток, летели в огонь и превращались в белый пар. Метель была настолько сильной, что пламя не выдержало и опало. Снег вместе с талой водой всё больше и больше скапливался внутри сцены, и горящее пламя, вместе с огнем печи крематория, вскоре погасло.

— Верёвка! — скомандовала Нин Гэ.

Рядом с Пэй Ханем возникла верёвка, поданная со всей возможной искренностью и скоростью. Она была новой и прочной.

Это была искренность, принуждённая той зажигалкой.

Пэй Хань протянул руку, ухватился за верёвку и поднялся вверх в пару движений.

Едва спасшись от смерти, мужчина, поднявшись, сначала передал зажигалку Нин Гэ, затем шагнул вперед и прижал девушку к себе.

<http://tl.rulate.ru/book/82321/3549937>